

В. С. ХРАКОВСКИЙ

АКТИВНЫЕ И ПАССИВНЫЕ КОНСТРУКЦИИ В ЯЗЫКАХ
ЭРГАТИВНОГО СТРОЯ

Многие языки, в том числе почти все европейские, имеют номинативный строй предложения. Основной синтаксический признак номинативного строя заключается в том, что как в предложениях с непереходным глаголом, так и в предложениях с переходным глаголом субъект оформляется одинаково и занимает позицию подлежащего, тогда как объект в предложениях с переходным глаголом оформляется иначе, чем субъект, и занимает позицию дополнения.

Вместе с тем в ряде языков господствует так называемый эргативный строй предложения. Основной синтаксический признак эргативного строя заключается в том, что субъект в предложениях с непереходным глаголом оформляется так же, как объект в предложениях с переходным глаголом, тогда как субъект в предложениях с переходным глаголом имеет специфическое оформление.

Если в языках номинативного строя обычно морфологически более простым является оформление субъекта в предложениях с непереходным и переходным глаголом (прямой или исходный — именительный падеж) и морфологически более сложным является оформление объекта в предложениях с переходным глаголом (косвенный падеж), то в языках эргативного строя морфологически более просто оформляется субъект в предложениях с непереходным глаголом и объект в предложениях с переходным глаголом (прямой или исходный — абсолютный падеж) и морфологически более сложно оформляется субъект в предложениях с переходным глаголом (косвенный — эргативный падеж). По падежу субъекта конструкция предложения с переходным глаголом получила название эргативной¹.

Необходимо отметить, что языки, обычно относимые к языкам эргативного строя, в синтаксическом отношении довольно разнородны². Среди них можно выделить языки последовательного эргативного строя, т. е. такие, в которых переходный глагол образует только эргативную конструкцию предложения. Примером может служить аварский язык. В предложении с переходным глаголом *insuca¹ ču² bičana³* «Отец¹ продал³ лошадь²» имя *insuca*, обозначающее субъект, оформлено эргативным (творительным) падежом, а имя *ču*, обозначающее объект, оформлено абсолютным (именительным) падежом. Иное конструктивное решение для предложения с переходным глаголом в аварском языке невозможно.

Можно также выделить языки номинативно-эргативного строя. Речь идет о таких языках, в которых переходный глагол образует как номинативную, так и эргативную конструкцию предложения. Известны два типа таких языков. В языках первого типа переходный глагол в любой времен-

¹ Термин «эргативная конструкция» принадлежит А. Дирру. См.: А. Д и р р, *Einführung in das Studium der kaukasischen Sprachen*, Leipzig, 1928, стр. 75.

² См.: С. Д. К а ц н е л ь с о н, *Типология языка и речевое мышление*, Л., 1972, стр. 68.

ной форме образует и номинативную, и эргативную конструкцию предложения. Так, например, обстоит дело в хантыйском языке. Сопоставим два предложения, образованные одними и теми же лексемами: (1) *ku*¹ *rit*² *tus*³ «Человек¹ нес³ лодку²» и (2) *kunə*¹ *rit*² *tus*³ «Этот человек¹ (именно он) нес³ лодку²». В предложении (1) имя *ku* в абсолютном падеже обозначает субъект, а имя *rit*, также в абсолютном падеже, обозначает объект. В предложении (2) имя *kunə*, обозначающее субъект, оформлено эргативным падежом, а имя *rit*, обозначающее объект, так же как и в предложении (1), оформлено абсолютным падежом. Предложение (1) реализует номинативную конструкцию, предложение (2) реализует эргативную конструкцию. Эргативная конструкция в отличие от номинативной употребляется в том случае, когда необходимо выделить, подчеркнуть субъекта описываемой ситуации³.

В языках второго типа номинативная и эргативная конструкции распределены относительно определенных временных форм переходного глагола⁴. Так, например, обстоит дело в грузинском языке, где временная форма аориста (прошедшее совершенное, II серия) образует эргативную конструкцию, тогда как другие временные формы (I серия) образуют номинативную конструкцию. Сопоставим три предложения, образованные одними и теми же лексемами: (1) *mxaṭvarma*¹ *surati*² *daxaṭa*³ «Художник¹ нарисовал³ картину²», (2) *mxaṭvari*¹ *surats*² *xatavda*³ «Художник¹ рисовал³ картину²», (3) *mxaṭvari*¹ *surats*² *xatavs*³ «Художник¹ рисует³ картину²». В предложении (1) имя *mxaṭvarma*, обозначающее субъект, оформлено эргативным падежом, а имя *surati*, обозначающее объект, оформлено именительным падежом. В предложениях (2) и (3) имя *mxaṭvari*, обозначающее субъект, оформлено именительным падежом, а имя *surats*, обозначающее объект, оформлено дательным падежом. Предложение (1) реализует эргативную конструкцию, а предложения (2) и (3) — номинативную конструкцию.

По вопросу о смысловом и синтаксическом статусе эргативной конструкции, который предполагается рассмотреть ниже, высказывались различные точки зрения. Согласно одной из них, разделяемой многими учеными (П. К. Услар, Г. Шухардт, Й. Фридрих, Н. Я. Марр), эргативная конструкция с переходным глаголом полностью соответствует стандартной пассивной конструкции с агентивным дополнением, которая имеется в ряде европейских языков номинативного строя.

Основанием для такого вывода послужило то обстоятельство, что в эргативной конструкции так же, как и в стандартной пассивной конструкции, имя субъекта оформляется косвенным падежом, а имя объекта оформляется прямым падежом и формально согласуется с глаголом. Рассмотрим пример из бацкийского (тушинского) языка, являющегося языком последовательного эргативного строя: *Ṗharav coḱal dwevi* «Собака убила лисицу». В этом предложении субъект *Ṗharav* («собака») оформлен косвенным эргативным падежом, а объект *coḱal* («лисица») оформлен прямым именительным падежом и согласуется по классу с глаголом. Таким образом, существует аналогия с оформлением имен в русском пассивном предложении *Собакой убита лисица*, где имя субъекта оформляется косвенным творительным падежом, а имя объекта — прямым именительным и согласуется в роде и числе с глаголом.

Существуют и другие точки зрения относительно сущности эргативной конструкции. Так, например, И. М. Дьяконов полагает, что «... во всех

³ J. G u l y a, Aktiv, Ergativ and Passiv im Vach-Ostjakischen, «Symposium über Syntax der uralischen Sprachen», Göttingen, 1970.

⁴ См. об этом: W. S. A l l e n, A study in the analysis of Hindi sentence-structure, AL, VI, 2—3, Copenhagen, 1950—1951.

вообще типичных эргативных языках отсутствуют активный и пассивный залоговые и их противопоставление, вследствие чего исследователи и затрудняются в решении вопроса о том, не следует ли рассматривать эргативную конструкцию как пассивную, т. е. отражающую точку зрения объекта, а не как активную, т. е. отражающую точку зрения субъекта. В действительности сама постановка подобного вопроса неправомерна, так как эргативная конструкция залогово-нейтральна, т. е. отражает как точку зрения субъекта действия, так и точку зрения субъекта состояния (объекта действия) ...»⁵.

Иную точку зрения, исследуя новоиндийские языки, высказывает Т. Я. Елизаренкова. По ее словам: «И эргативная, и нейтральная конструкции по своему содержанию представляют собой в новоиндийских языках активные конструкции, т. е. *Мальчик съел апельсин*, а не *Мальчиком съеден апельсин* (несмотря на объектное согласование). Это очень существенная особенность эргативной конструкции. Для выражения пассивного значения употребляется страдательный залог, имеющий особую форму выражения. Между тем и другим есть своего рода дополнительное распределение. Страдательный залог употребляется преимущественно, если деятель не упомянут, а эргативная конструкция — если деятель известен. Ср.: хинди *Kām kiyā gayā* „Работа выполнена“; *Larkī ne kām kiyā* „Девочка выполнила работу“»⁶.

Попытаемся разобраться в сложившейся ситуации и дать наиболее приемлемое, с нашей точки зрения, толкование эргативной конструкции⁷.

Прежде всего отметим, что у эргативной и пассивной конструкции с агентивным дополнением различные сферы употребления. Как известно, пассивная конструкция с агентивным дополнением выступает как стилистический вариант активной конструкции⁸. В старописьменных европейских, как и в тюркских, языках эта пассивная конструкция имеет ограниченную сферу применения и совершенно не употребляется в разговорной речи⁹. Иное дело эргативная конструкция, которая не имеет стилистических вариантов. Эта конструкция встречается как в старописьменных, так и в младописьменных, и в бесписьменных языках и употребляется в разговорной речи. Следовательно, с самого начала следует исключить тезис о сходстве этих двух конструкций в области функционирования.

⁵ И. М. Дьяконов, Эргативная конструкция и субъектно-объектные отношения, сб. «Эргативная конструкция предложения в языках различных типов», Л., 1967, стр. 101 (далее этот сборник обозначается сокращенно: ЭКПЯРТ). Точка зрения И. М. Дьяконова развивает концепцию А. С. Чикобава, сформулированную им применительно к кавказским языкам. См., например: А. С. Чикобава, Проблема эргативной конструкции в кавказских языках: стабильный и лабильный варианты этой конструкции, «Известия ИЯИМК [АН ГрузССР]», XII, 1942 (на груз. яз., с русск. резюме).

⁶ Т. Я. Елизаренкова, Эргативная конструкция в новоиндийских языках, ЭКПЯРТ, стр. 120. См. также: С. Регамеу, A propos de la «construction ergative» en indo-aryen moderne, «Festschrift Albert Debrunner», Bern, 1954. В 30-е годы тезис об «активности» эргативной конструкции обосновывали видные советские лингвисты И. И. Мещанинов, Г. В. Церетели, А. А. Бокарев, Н. Ф. Яковлев и др.

⁷ Детальный разбор перечисленных точек зрения проводится в ряде работ А. С. Чикобава. См., например, в его книге «Проблема эргативной конструкции в иберийско-кавказских языках. II — Теории сущности эргативной конструкции» (Тбилиси, 1961). Изучению эргативной конструкции в историческом аспекте посвящены важные работы С. Д. Кацнельсона: «К генезису номинативного предложения», М.—Л., 1936; «Эргативная конструкция и эргативное предложение», ИАН ОЛЯ, 1947, 1; «К происхождению эргативной конструкции», ЭКПЯРТ.

⁸ См.: Ю. Г. Курялович, Эргативность и стабильность в языке, ИАН ОЛЯ, 1946, 5.

⁹ См., например: Е. Неу, Das hethitische Mediopassiv und seine indogermanischen Grundlagen, Wiesbaden, 1968; А. М. Щербак, Грамматический очерк языка тюркских текстов X—XIII вв. из Восточного Туркестана, М.—Л., 1961.

Вопрос об активности или пассивности эргативной конструкции относится к проблематике деривационного синтаксиса¹⁰. В рамках разделяемой нами концепции пассивной может быть только производная синтаксическая структура, причем такая, в которой субъект не занимает позиции подлежащего¹¹. Этому требованию вполне удовлетворяет пассивная структура с агентивным дополнением, которая является терминальным дериватом второго такта в деривационной цепочке: (0) активная структура (*Рабочие строят дом*) → (1) пассивная структура без агентивного дополнения (*Дом строится*) → (2) пассивная структура с агентивным дополнением (*Дом строится рабочими*).

Данные грамматик свидетельствуют о том, что эргативную конструкцию в большинстве случаев следует трактовать как производящую, исходную, нежели как производную. Мы можем указать только один типичный случай, когда эргативная конструкция выступает как производная по отношению к исходной конструкции с переходным глаголом, являясь ее каузативным дериватом. Рассмотрим для иллюстрации бацкийскую деривационную цепочку: (0) *Lačmar ču tohî* «Больной спал» → (1) *Oqus lačmar ču tohdië* «Он уложил больного спать». В исходном предложении имя, выполняющее функцию субъекта, выступает в неоформленном именительном (абсолютном) падеже, а в роли сказуемого выступает неизменяемый неклассный глагол. В производном каузативном предложении имя, выполнявшее в исходном предложении функцию субъекта, не меняет своего оформления, но теперь оно дополнительно выполняет функцию пациенса. Имя, выступающее в функции каузатора (субъекта каузации), оформляется эргативным падежом (*oqus*), а в роли сказуемого выступает производная каузативная глагольная форма с инфиксом *-d* — показателем класса, к которому относится имя *lačmar*, выполняющее функции субъекта состояния и пациенса каузации. Таким образом, производная эргативная конструкция — это каузативная конструкция с морфологически производным каузативным глаголом.

Что же касается эргативной конструкции с морфологически неизменяемым переходным глаголом, то она всегда выступает как синтаксически исходная, из которой могут строиться производные конструкции различных типов. Из исходной эргативной конструкции может быть построен, например, ее каузативный дериват. Рассмотрим для иллюстрации бацкийскую деривационную цепочку: (0) *Badrev qor qallî* «Ребенок съел яблоко» → (1) *As badregö qor qallitë* «Я заставил ребенка съесть яблоко». В исходном предложении имя, выполняющее функцию объекта, выступает в неоформленном именительном (абсолютном) падеже (*qor*); имя в функции субъекта оформлено эргативным падежом (*badrev*), а в роли сказуемого выступает морфологически неизменяемый неклассный глагол. В производном предложении имя в функции объекта (*qor*) сохраняет то же морфологическое оформление. Имя, выполнявшее функцию субъекта, теперь дополнительно выполняет и функцию пациенса, оформляясь уже не эргативным, а лативным падежом (*badregö*). В предложении появляется новое имя в эргативном падеже (*as*), которое выполняет функцию каузатора (субъекта

¹⁰ См. об этом: В. С. Храковский, Деривационные отношения в синтаксисе, сб. «Инвариантные синтаксические значения и структура предложения», М., 1969.

¹¹ Подробнее об этом см.: В. С. Храковский, Конструкции пассивного залога сб. «Категория залога», Л., 1970; см. также: Р. Ружичка, О трансформационном описании так называемых безличных предложений в современном русском литературном языке, ВЯ, 1963, 3; Т. Б. Алисова, Очерки синтаксиса современного итальянского языка, М., 1971.

каузации). Что касается сказуемого, то в его роли выступает производный каузативный глагол (оператор производности — суффикс *-it*)¹².

Рассмотрим также чукотскую деривационную цепочку: (0) *Клявыля тэйкынин яраңы взэмьк қача* «Мужчина построил дом возле реки» → (1) *Энаалъа қлявылеты тэйкыйгут гэнтылин яраңы взэмьк қача* «Сосед велел мужчине построить дом возле реки». В исходном предложении имя, выполняющее функцию объекта, выступает в прямом именительном (абсолютном) падеже (*яраңы*); имя в функции субъекта оформлено косвенным творительным падежом (*қлявыля*), а в роли сказуемого выступает морфологически непроеводный глагол (*тэйкынин*). В производном предложении имя, выполняющее функцию объекта, сохраняет то же морфологическое оформление (*яраңы*); имя, выполнявшее функцию субъекта, теперь дополнительно выполняет и функцию пациенса, оформляясь дательно-направительным падежом (*қлявылеты*). Появляется в предложении новое имя в косвенном творительном падеже (*энаалъа*), которое выполняет функцию каузатора (субъекта каузации). Что касается сказуемого, то в его роли выступает форма аналитического производного каузативного глагола (*тэйкыйгут гэнтылин*)¹³.

Из исходной эргативной конструкции может быть также построен дериват, который мы, пока условно, назовем пассивным. Рассмотрим следующую бацбийскую деривационную цепочку: (0) *Oqus cenex duq šur oçĩ* «Он в этом году много молока надоил» → (1) *Cenex duq šur oçjalĩ* «В этом году много молока надоено (надоили)». В исходном предложении имя, выполняющее функцию объекта, выступает в неформальном именительном (абсолютном) падеже (*šur*); имя в функции субъекта оформлено эргативным падежом (*oqus*), а в роли сказуемого выступает морфологически непроеводный неклассный глагол (*oçĩ*). В производном предложении имя, выполнявшее функцию объекта, сохраняет эту функцию и то же морфологическое оформление. Что касается имени в эргативном падеже, выполнявшего функцию субъекта, то его в производном предложении нет. В роли сказуемого выступает производный «пассивный» глагол (формальный оператор пассивности — суффикс *-l*).

Рассмотрим также чукотскую деривационную цепочку: (0) *Клявыля тэйкынин яраңы взэмьк қача* «Мужчина построил дом возле реки» → (1) *Яраңы гэтэйкылин взэмьк қача* «Дом построен возле реки». В исходном предложении имя в функции объекта выступает в прямом именительном (абсолютном) падеже (*яраңы*). Имя в функции субъекта оформлено косвенным творительным падежом (*қлявыля*), а в роли сказуемого выступает морфологически непроеводный переходный глагол (*тэйкынин*). В производном предложении имя в функции объекта сохраняет то же морфологическое оформление (*яраңы*). Что касается имени в творительном падеже, выполнявшего функцию субъекта (*қлявыля*), то его в производном предложении нет. В роли сказуемого выступает глагол в форме 3-го лица так называемого II прошедшего времени.

В исходных предложениях эргативной конструкции имеется имя субъекта, а в производных предложениях номинативной конструкции этого имени нет. Согласно разделяемой нами концепции, производное предложение, в котором нет имени субъекта, может быть признано пассивным, если в исходном предложении имя субъекта занимало позицию подлежащего.

¹² См. об этом: А. А. Холодович, В. С. Храковский, К. Т. Чрелашвили, Синтаксические конструкции с каузативными глаголами в бацбийском языке, в кн.: «Типология каузативных конструкций. Морфологический каузатив», Л., 1969, стр. 98—114.

¹³ См. об этом: П. И. Инэликей, В. П. Недялков, А. А. Холодович, Каузатив в чукотском языке, в кн.: «Типология каузативных конструкций».

Как известно, вопрос о членах предложения в эргативной конструкции является дискуссионным — обсуждаются две взаимоисключающие точки зрения: 1) субъект занимает позицию подлежащего, объект занимает позицию дополнения, 2) объект занимает позицию подлежащего, субъект занимает позицию дополнения. Изложим наши соображения по этому вопросу. Эргативная конструкция с переходным морфологически непроемким глаголом является синтаксически исходной. Следовательно, эту конструкцию можно трактовать как структуру, в которой «синтаксические категории (члены предложения) соответствуют реальным функциям субстанций и признаков в процессе. Отношения между членами предложения „иконически“ отображают реальные отношения между элементами процесса»¹⁴. Одним из условий «иконичности» является обозначение субъекта подлежащим. Следовательно, эргативную конструкцию можно трактовать как структуру, в которой субъект занимает позицию подлежащего¹⁵. Но тем самым у нас есть все основания утверждать, что эргативная конструкция является активной, имеющей пассивные дериваты, которые удовлетворяют определению пассивных структур, принятому в этой работе.

Теперь можно перейти к выводам. И эргативная конструкция, и номинативная конструкция являются синтаксически исходными и тем самым занимают одно и то же место (т. е. имеют одну и ту же значимость) в деривационной системе конструкций. Напротив, эргативная и пассивная конструкции занимают разные места в деривационной системе, и, следовательно, отсутствует синтаксическая база для сопоставления этих конструкций. Таким образом, опираясь на анализ деривационной системы конструкций в языках номинативного и эргативного строя, мы подтвердили правильность точки зрения, которая развивалась в советском языкознании еще в 30-е годы и согласно которой «не может быть речи о пассивной конструкции или пассивном восприятии глагола в тех случаях, когда дело касается переходного глагола с субъектом в активном падеже и объектом в именительном»¹⁶.

О наличии самостоятельных пассивных конструкций в языках эргативного строя в литературе упоминается довольно редко¹⁷. Так, наряду с уже приведенным высказыванием Т. Я. Елизаренковой можно сослаться на утверждение Г. А. Меновщикова о том, что в эскимосском языке «абсолютной и эргативной конструкциям в свою очередь противопоставляется предложение пассивной конструкции, в котором реальный субъект (про-

¹⁴ В. Г. Г а к, К проблеме синтаксической семантики, сб. «Инвариантные синтаксические значения и структура предложения», стр. 79—80. См. также: Р. Я к о б с о н, В поисках сущности языка, «Сборник переводов по вопросам информационной теории и практики», М., 1970, 16.

¹⁵ О правомерности сделанного вывода свидетельствуют факты линейного синтаксиса. По словам С. Д. Кацнельсона, «на порядок слов в падежных языках с эргативным строем до сих пор обращалось слишком мало внимания. Насколько можно судить по имеющимся материалам, и в этих языках словопорядок продолжает оставаться важным средством выделения позиционных функций. В ситуативно-нейтральных предложениях, т. е. предложениях, не подвергшихся воздействию так называемого актуального членения и логического ударения, эргативный падеж занимает, как правило, первое позиционное место, отесняя именительный падеж в функции прямого объекта на второе позиционное место. Это обстоятельство представляется нам немаловажным доводом в пользу признания эргатива падежом субъекта» (С. Д. К а ц н е л ь с о н, Типология языка и речевое мышление, стр. 71).

¹⁶ «Урартские памятники музея Грузии», изд. Г. В. Церетели, Тбилиси, 1939, Предисловие, стр. 16. В этой работе подчеркивается, что наряду с активной эргативной конструкцией в грузинском языке имеется и пассивная конструкция III серии времен, в которой субъект оформлен дательным падежом, а объект — именительным, однако Г. В. Церетели предостерегает от смешения этих двух различных конструкций.

¹⁷ По-видимому, впервые этот факт отметил Р. де ла Грассери: R. de la Grasserie, De la catégorie des voix, Paris, 1899.

изводитель действия) не указывается, а реальный объект выступает грамматическим субъектом (подлежащим). Грамматический предикат (сказуемое) в предложении пассивного действия выражен особой страдательной формой глагола (суфф. -н'а(к')). Ср. *К'икмик' пытуг'н'ак'* „Собака привязана“; *Пана аяк'ие'н'ак' гуйгукун* „Копье прислонено к дому“¹⁸.

Можно отметить два момента, из-за которых пассивные конструкции в языках эргативного строя до сих пор остаются в тени. Во-первых, это то, что в языках последовательного эргативного строя пассивные конструкции не имеют агентивного дополнения, а во-вторых, то, что в этих языках довольно часто отсутствуют морфологически маркированные производные пассивные глаголы. Однако указанные моменты не являются специфическими только для языков эргативного строя. Укажем, например, что пассивные конструкции без агентивного дополнения характерны для семитских языков. Что же касается отсутствия пассивных глаголов, то это обстоятельство, как известно, послужило опорным пунктом для создания теории нейтральности эргативной конструкции, развитой в трудах А. С. Чикобава на материале кавказских языков. Основной тезис этой теории гласит: «Отсутствие противостоящих друг другу действительного и страдательного залогов — морфологическое выражение нейтральности глагольной основы в этих языках»¹⁹. Действительно, в ряде иберийско-кавказских языков основа переходного глагола «в залоговом отношении не дифференцирована, индифферентна, т. е. нейтральна по своей природе»²⁰. Однако отсутствие залоговых форм у переходного глагола — это факт морфологии, который, с нашей точки зрения, не является решающим при установлении залоговой принадлежности синтаксической конструкции. В связи со сказанным изложим наше понимание грамматической категории залога.

Традиционная трактовка залога — морфологическая глагольная категория. Это значит, что наличие категории залога можно усматривать только там, где существует формальная оппозиция хотя бы двух рядов глагольных форм. В соответствии со сказанным, разными залоговыми формами являются русские глагольные формы *строить* : *строиться*, немецкие глагольные формы *bauen* : *gebaut werden* и т. д.

Такая трактовка категории залога вполне возможна. Однако следует помнить, что глагольная категория залога отличается от других глагольных категорий (например, таких, как лицо и вид) тем, что разные залоговые формы употребляются в различных структурах предложения. Иначе говоря, категория залога в отличие от других морфологических глагольных категорий более тесно связана с синтаксисом предложения²¹. Такая связь с синтаксисом определяется содержанием залоговой оппозиции — обозначением различных типов соответствий между членами предложения (актантами) и компонентами ситуации (партиципантами)²². Однако ука-

¹⁸ Г. А. Меновщиков, Об основных конструкциях простого предложения в эскимосско-алеутских языках, ЭКПЯРТ, стр. 263. См. также: J. G u l y a, указ. соч.

¹⁹ А. С. Чикобава, Проблема эргативной конструкции в кавказских языках: стабильный и лабильный варианты этой конструкции, стр. 241.

²⁰ А. Магомедов, Вопрос о пассивности эргативной конструкции в монографии П. К. Услара «Табасаранский язык», «Вестн. Отд. обществ. наук ГрузССР», 1960, 3, стр. 208.

²¹ Тесная связь морфологической категории залога с синтаксисом предложения учитывается в лингвистической литературе последних лет, где пассивными принято считать те конструкции, у которых (1) позицию сказуемого занимает специальная «пассивная» форма глагола и (2) объект занимает позицию подлежащего, а субъект — позицию дополнения. См., например: В. З. Панфилов, Взаимоотношение языка и мышления, М., 1971.

²² Об этом см.: А. А. Холодович, Залог, сб. «Категория залога», Л., 1970; И. А. Мельчук, А. А. Холодович, К теории грамматического залога, НАА, 1970, 4.

занное содержание залоговой оппозиции не обязательно формально маркируется оппозицией различных рядов глагольных форм. Существуют и другие формальные средства маркировки залоговых оппозиций, которые используются в этих целях как при наличии формально различных залоговых глагольных форм, так и при их отсутствии, и, следовательно, при отсутствии в языке морфологической глагольной категории залога.

С нашей точки зрения, в рамках универсального подхода к категории залога следует говорить о синтаксической категории залога. При таком подходе пассивными следует считать такие производные конструкции, в которых нарушено соответствие подлежащее — субъект, свойственное исходным активным конструкциям. Для маркировки изменения исходного соответствия в плане выражения имеется набор различных формальных средств, которые варьируют от языка к языку. К этим средствам, в частности, относятся: 1) наличие формально противопоставленных рядов глагольных форм (типа *строить* : *строиться*); 2) ограниченность употребления глагольных форм в пределах одного и того же ряда (например, употребление в русской имперсональной пассивной конструкции только формы 3-го лица мн. числа типа *Дом строят долго*); 3) употребление служебных глаголов (например, использование в немецком языке для построения пассивной конструкции глагола *werden* типа *gebaut werden*); 4) изменение морфологического оформления имен, занимающих позицию подлежащего и дополнений (например, в древнекитайской пассивной конструкции *ху¹ шя² юй³ жэнь⁴* «Тигр¹ убит² человеком^{3, 4}» сравнительно с исходной активной конструкцией *жэнь¹ шя² ху³* «Человек¹ убивает² тигра³» изменилось оформление имени, занимающего позицию дополнения, но не изменилось оформление глагола); 5) незанятость синтаксической позиции подлежащего (например, в русской пассивной конструкции типа *Мне указано на ошибку*, где позиция подлежащего остается свободной); 6) занятость позиции подлежащего и дополнений служебными словами, не обозначающими конкретные компоненты ситуации (например, в немецкой пассивной конструкции типа *Es wird getanzt*, где позиция подлежащего занята служебным словом *es*, не обозначающим компонент ситуации). В языках для обозначения залоговых противопоставлений используются различные комбинации перечисленных формальных средств.

Итак, в рамках нашего подхода мы отказываемся от трактовки залога как морфологической глагольной категории и говорим о залоге как о синтаксической категории, которая реализуется в оппозиции синтаксических структур. Вместе с тем полезно различать морфологизованные и неморфологизованные в глаголе залоговые оппозиции синтаксических структур.